

Russian Academy of Sciences
Institute of Linguistics
Research Group “Theory of grammar”

Studies
in the Theory
of Grammar

4

Edited by Valentin Gusev, Vladimir Plungian
and Anna Urmanchieva

Grammatical Categories
in Discourse

Moscow
2008

Российская академия наук
Институт языкознания
Проблемная группа по теории грамматики

Исследования
по теории
грамматики

4

Грамматические категории
в дискурсе

Москва
2008

ББК 81 + 81.2

И 87

Редакционная коллегия:

В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева

Рецензенты

д. ф. н. А. Ю. Русаков, к. ф. н. Е. Ю. Калинина

И 87 Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. — М.: Гнозис, 2008.

ISBN 978-5-94244-022-0

Четвертый выпуск трудов Проблемной группы по теории грамматики при Институте языкознания РАН (Москва) включает статьи, в которых на материале ареально и типологически разнородных языков рассматриваются дискурсивные функции грамматических категорий имени и глагола. В некоторых статьях сборника на новом материале обсуждаются уже описанные в литературе дискурсивные функции (например, использование аспектуальных граммем для организации нарратива); в целом ряде статей предлагается новая трактовка грамматических явлений и выделяются такие дискурсивные функции грамматических категорий, которые до сих пор не были отмечены в литературе. В статьях вводного раздела предлагаются попытки теоретического осмысления дискурсивных феноменов с точки зрения современной грамматической типологии.

Использованы данные современного русского, древнерусского, тюркских, уральских, дагестанских, арабского, баскского и многих других языков. Среди авторов сборника — исследователи из Москвы, Новосибирска, Томска и Сан-Франциско.

Для специалистов по теории грамматики, грамматической типологии, анализу дискурса.

ББК 81 + 81.2

ISBN 978-5-94244-022-0

© Авторы, 2008

9 785942 440220

Д. В. Сичинава

**«СДВИГ НАЧАЛЬНОЙ ТОЧКИ»:
УПОТРЕБЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
ФОРМ В ИНТРОДУКТИВНОЙ ФУНКЦИИ¹**

Нарративный текст (а дальше речь пойдет исключительно о нем, хотя мы понимаем, что нарратив — хотя и чрезвычайно важный и распространенный, но далеко не единственный тип дискурса, релевантный для исследования грамматических значений) редко начинается с того, что собственно называется «нарративом». Иными словами — с первого же звена цепочки сменяющих друг друга событий. Действительно, такая стратегия не везде удачна прагматически. Участнику коммуникативного акта, воспринимающему текст, часто нужно узнать — причем в рамках того же сообщения — обстоятельства, в которых разворачиваются эти события, их предысторию, а главное — «кто есть кто», выяснить, говоря языком формальным, константы и пространства возможностей той «истории», которая сейчас прозвучит. Даже в тех случаях, когда собеседник и так знает, о чем, в общем, пойдет речь, когда текст служит как бы развернутым ответом на вопрос вроде *Ну как оно все прошло вчера?* — могут понадобиться отступления, пояснения, введение новых действующих лиц и проч. В основополагающей работе по структуре нарратива

---

¹ Приношу благодарность Т. А. Майсаку, П. В. Петрухину, В. А. Плуняну и А. Ю. Урманчиевой за ценные замечания по тексту первоначальных вариантов этой статьи.

[Labov 1972] выделяется вводный фрагмент, служащий «прологом» к нарративу; Лабов называет его «ориентирующим» (orientation)²; за ним следует собственно действие-завязка (complicating action).

В предлагаемой статье речь пойдет только о части данной проблематики — а именно, об определенном типе маркирования фрагментов текста, вводящих последующий нарративный текст, при помощи грамматических форм глагола. При таком маркировании выбираются особые формы, которые характеризуют событие с точки зрения его временной и/или прагматической удаленности или (реже) близости по отношению к наличной ситуации, а именно: плюсквамперфект и «неактуальное прошедшее» (удаленность) или перфект (близость). Мы называем эту стратегию «сдвигом начальной точки».

В разделе 1 статьи комментируются используемые нами термины, имеющие отношение к дискурсивным функциям; в разделе 2 — проблематика, связанная с плюсквамперфектом и неактуальным прошедшим, включая соответствующую терминологию; вопросы, связанные с дискурсивными функциями этих форм, затрагиваются здесь предельно кратко. В разделе 3, самом большом и важном в работе, мы рассматриваем типы маркирования фрагментов текста, вводящих дальнейший нарратив, при помощи этих двух форм. В разделе 4 кратко говорится о прагматически «актуализирующем» перфекте, который может выступать в схожих функциях. Наконец, в заключительном разделе 5 мы говорим об аналогиях, которые «сдвиг начальной точки» находит в других областях грамматики — они помогают понять *raison d'être* такой стратегии, избираемой многими генетически не связанными языками.

1. Терминология, связанная с дискурсивными функциями

В дальнейшем мы будем использовать следующие термины, в общем, широко употребительные в теории нарратива:

---

² Ему может предшествовать еще так называемое резюме (abstract) всего текста вроде *Расскажу, как я повстречал медведя* или *Вчера на охоте со мной случился забавный случай*; маркирование такого дискурсивного фрагмента мы специально не разбираем.

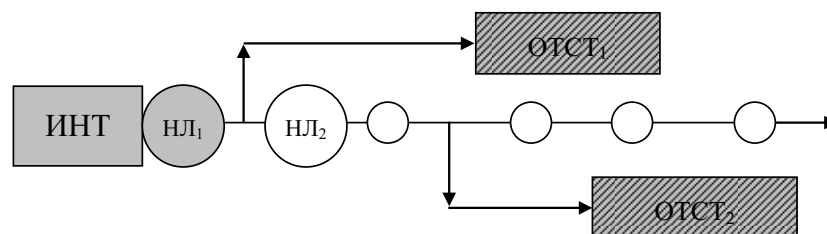
— «нарративной линией/цепью» текста называется цепочка последовательных событий, «о которых» и идет речь в тексте (*услышав это, рыцарь тотчас оседлал коня и отправился на помощь*). Ситуации, не входящие в нее, обычно относят к «фоновой информации» (background).

— «интродуктивным фрагментом» называется фрагмент, предшествующий самому первому событию нарративной линии и вводящий предысторию событий, действующих лиц, обстоятельства и проч. (*давным-давно на высокой горе стоял замок, и в нем жил король*).

— «отступлениями» назовем фрагменты текста, прерывающие на разных этапах нарративную линию и излагающие ситуации и события, происходившие вне соответствующего момента нарратива — либо во временном плане (*король вспомнил, [как шесть лет назад во время войны он встретил предсказателя, который напророчил ему...]*), либо в логическом (*король приказал заковать провидца в кандалы, [а в это время сын короля выехал на охоту и встретил оленя]*). В работе [Givón 1982] такой тип дискурса включается в класс «вне последовательности» (out-of-sequence).

Собственно, «интродуктивный фрагмент» тоже стоит вне последовательности повествования (разве что «отступлением» его назвать нельзя — еще не от чего «отступать»), и между этими двумя типами (по крайней мере в том, как они маркируются в глагольной словоформе) есть, как увидим, немало общего. Тем не менее, в центре нашего внимания находится именно маркирование интродуктивного фрагмента, а также фрагмента, непосредственного смежного с ним — то есть первого (может быть, нескольких первых) действий из нарративной линии (*[жил-был король]; [однажды он выступил в поход против могущественного соперника, покорил часть его земель]...*).

Представим эти понятия на схеме (НЛ₁, НЛ₂... — события нарративной линии, ИНТ — интродуктивный фрагмент, ОТСТ₁, ОТСТ₂... — отступления):

Темной заливкой выделены фрагменты дискурса, расположенные «перед последовательностью», штриховкой — отступления, или фрагменты «вне последовательности». Для тех и других в языках мира зафиксировано маркирование при помощи плюсквамперфекта, неактуального прошедшего или (реже) перфекта.

В работе [Сичинава 2001], посвященной австроазиатскому языку сантали (группа мунда), мы назвали употребление этих форм для обозначения интродуктивного фрагмента и/или первого события нарративной линии «сдвигом начальной точки» — особой дискурсивной функцией этих форм.

Прокомментируем все три слова этого термина: начнем, естественно, с *начала* — фрагмент дискурса, маркируемый таким образом, располагается в непосредственной близости от начала нарративной последовательности (*Жил-был* король, однажды король созвал своих сыновей...) или «накладывается» на первые несколько ее звеньев, в частности, на самое первое (*Посадил* дед репку, выросла репка большая-пребольшая...). Точка, вообще говоря, не означает того, что в аспектологии принято считать «точечными событиями», а акцентирует внимание на точке отсчета, с которой разворачиваются события, на изложении предварительных обстоятельств, на специфическом сигнале начала нарратива. Наконец, *сдвиг* и означает специфику рассматриваемого нами маркирования — выбор вместо формы, нейтральной по отношению к плану настоящего и означающей временную локализацию по умолчанию, другой формы, означающей либо неактуальность и разрыв с планом настоящего, либо, напротив, прагматическое приближение к нему. Гораздо чаще встречается, по нашим сведениям, первая ситуация (в частности, именно так обстоит

дело в языке сантали); однако она не является единственно возможной, и, соответственно, используемый нами термин не предрешает того, о сдвиге в каком «направлении» идет речь.

Отметим, что специальное маркирование интродуктивного фрагмента — явление, независимое типологически от обсуждаемого в этой статье явления, то есть использования в этой функции «сдвигающих» глагольных времен. Есть языки, где в этой позиции выступает специальный показатель, не имеющий иных употреблений. Так, в [Anderson 1979] описывается «нарративный» показатель в языке агем (бантоидный язык бенуэ-конголезской семьи), используемый «в первом предложении рассказа, отсылающего к событиям, произошедшим в отдаленном прошлом», а весь остальной рассказ ведется в другой форме, так называемом «консекutive». В старояпонском языке эпохи Хэйан (на японский материал нам указал П. М. Аркадьев) имелась особая форма на *-keri*, которую Н. А. Сыромятников [2002: 88—89] называет «инвентивом» и указывает, что она «употребляется широко в зачинах, вводя в ситуацию, обозначая начавшееся в прошлом состояние, послужившее фоном для последующих событий»; дальнейшие события нарратива излагались в других временах.

Прежде чем перейти к описанию соответствующих дискурсивных функций форм, маркирующих неактуальность (плюсквамперфекта и собственно «неактуального прошедшего»), кратко обсудим проблематику, связанную с этими типами глагольных показателей (опуская конкретные языковые примеры, частные описательные проблемы и т. д.). Более подробная информация излагается в работах [Плунгян 1998, 2001, 2004a], [Plungian, Auwera 2006], [Сичинава 2001, 2003].

2. Плюсquamперфект и показатели неактуального прошедшего

Плюсquamперфект, согласно наиболее распространенному употреблению этого термина, — форма, базовое употребление которой соответствует таксисным контекстам ‘предшествования в прошлом’ (*когда я пришел с работы, моя сестра уже написала четыре пись-*

ма), иными словами — это «абсолютно-относительное время» ([Comrie 1985: 65—69], такой анализ восходит, в конечном счете, к [Reichenbach 1947]). В большинстве языков мира плюсквамперфект синхронно анализируется с морфологической точки зрения не как самостоятельный показатель, а как комбинация двух показателей, каждый из которых имеет собственную видо-временную семантику. «Европейский» тип плюсквамперфекта состоит из показателей перфекта (или, реже, результата) и прошедшего времени: ср. англ. *have done* (Present Perfect) — *had done* (Past Perfect); он засвидетельствован и вне Европы, в частности, в иранских, индоарийских и тюркских языках. В статьях [Плунгян 1998; 2001:108 и след.] (также [Plungian, Auwera 2006]) исследуется (на обширном типологическом материале) также морфологическая техника, особенно активная в языках «с преимущественной грамматикализацией аспектуальных, а не темпоральных противопоставлений», где аспектуальные формы имеют временные интерпретации, приписываемые им по умолчанию³. Техника эта заключается в следующем: к глагольным формам, функционирующим в языке независимо, присоединяется специальный показатель — так называемый показатель *ретроспективного сдвига*, — изменяющий временную интерпретацию данной формы таким образом, что ситуация сдвигается назад по оси времени, а кроме того, добавляется специфическая «неактуальная» семантика (см. о ней подробнее несколько ниже). Системы с показателем ретроспективного сдвига характерны для нескольких ареалов: Западная Африка, Океания, средняя Волга; засвидетельствованы подобные показатели и в ряде других языков (корейский; энецкий; некоторые нахско-дагестанские — лезгинский, удинский, аварский). Таким образом, и здесь плюсквамперфект представляет собой сочетание видового/видо-временного показателя со специфическим показателем времени (этот показатель от обычного показателя прошедшего времени отличается тем, что содержит дополнительную семантическую составляющую «неактуальности для настоящего»). Такие языки, как португальский, румынский или уже упоминавшийся сантали, где плюсквамперфект синтетический, в этом отношении нетипичны.

---

³ Термин «ретроспективное время» применительно к схожему явлению введен А. И. Коваль [Коваль, Нялибули 1997: 175]

Несмотря на прозрачность формального устройства, в большинстве языков мира плюсквамперфект оказывается семантически весьма нетривиальным элементом глагольной системы, для которого характерен целый ряд устойчивых вторичных употреблений. Мы уже сказали, что, согласно традиционным воззрениям, плюсквамперфект обозначает 'предшествование в прошедшем'; со времен античных грамматистов указывалось также на значение 'давнопрошедшего времени' (в частности, в русскоязычных лингвистических работах XIX—XX вв. термины *давнопрошедшее* и *плюсквамперфект* нередко употреблялись как синонимы). Однако проводившиеся с начала 1970-х годов типологические исследования глагольных систем языков мира показали, что в действительности плюсквамперфект обладает целым рядом дополнительных нетривиальных значений, устойчиво представленных в генетически не связанных между собой языках. Более того, наличие значения 'давнопрошедшее' и даже в некоторых случаях 'предшествование в прошедшем' (самого по себе, в отрыве от специфических семантических оттенков) не является непременным атрибутом формы, обладающей характерными признаками плюсквамперфекта. Практически неизвестны языки с плюсквамперфектом, в которых он не развивал хотя бы одно дополнительное значение (а если плюсквамперфектных форм в системе несколько, то дополнительные значения по крайней мере у одной из них обнаруживаются).

Набор этих значений обнаруживает большую типологическую устойчивость: семантика «прекращенной ситуации» ('ситуация, имевшая место в некоторый момент в прошлом, в момент наблюдения уже места не имеет'; *когда-то наше племя жило далеко за горами*); «аннулированного результата» ('результат некоторой ситуации достигнут, но потом аннулирован'; *он вскочил было, но тут же сел обратно*); употребление плюсквамперфекта в условных ирреальных конструкциях (как в условной части, так и в главном предложении; *если бы я знал это все заранее, то не взялся бы за дело*). К числу других дополнительных значений плюсквамперфекта относятся: уже упоминавшееся 'давнопрошедшее' (к указаниям описаний на эту функцию следует относиться с осторожностью, многие примеры допускают и другую трактовку), 'смягчение категоричности утверждения', также связанное с ирреальной метафорикой прошедшего; эвиденциальное («за-

глазное» или «пересказывательное») значение, связанное с различными типами косвенной засвидетельствованности, и некоторые другие.

Таким образом, плюсквамперфект относит ситуацию в семантическую зону, противопоставленную не только (а иногда и не столько) временному плану настоящего, но и результативности, изъявительному наклонению, прямой засвидетельствованности. Ситуация попадает, в терминологии работ [Dahl 1985] и [Squartini 1999], в «закрытый временной интервал» (past temporal frame), противопоставленный данной реальности, причем специально подчеркивается «разрыв» между временными/модальными планами; в работе [Plungian, Auwera 2006] для этого круга значений используется термин “discontinuous past” («непродолженное, разрывное прошедшее»). Для этой устойчивой области (в связи с плюсквамперфектом или нет) предлагались также обозначения «зона сверхпрошлого» (фр. *supr-passé* [Arnavielle 1978: 620]), «усиленное прошедшее время» (англ. *emphasized past time*, [Steele 1975: 211]). Мы будем использовать термин «неактуальное прошедшее» (означая так и дополнительное множество значений плюсквамперфекта, и глагольную форму, которая выражает эти значения, но не выражает таксисного).

Что касается особых аддитивных показателей ретроспективного сдвига, свойственных ряду африканских и океанийских языков, то они преимущественно выступают в контекстах, типичных для значения именно неактуального прошедшего, а не чистого таксиса («предшествования в прошедшем»), который выражает плюсквамперфект в литературных европейских языках. Соответственно, специфическую окраску «сверхпрошлого» получает не только сочетание ретроспективного сдвига с показателем перфектива (что дает в ряде контекстов предшествование некоторой точке в прошлом), но и, скажем, хабитуалис или прогрессив (получается не только «хабитуалис в прошедшем» или «прогрессив в прошедшем», но и идея отсутствия данной ситуации в настоящем, неудачной попытки и т. п.: *resp. некогда люди жили триста лет* или *он долго варил суп из топора, но ничего не вышло*).

Семантика неактуального прошедшего по определению двупланова: она связана, с одной стороны, с объективными событиями, с другой — с коммуникативным актом и «здесь-и-сейчас» говорящего,

иначе не может быть определен «разрыв» между тем и другим. Поэтому неудивительно, что формы, наделенные соответствующей семантикой, имеют и дискурсивные употребления, связанные со структурированием сообщения (текста) и местом того или иного события в его пространстве. Дискурсивные функции плюсквамперфекта до сих пор с типологической точки зрения обстоятельно не изучены. Применительно к английскому материалу следует назвать [Lascari-des, Asher 1993], [Caenapeel 1995], к нидерландскому — [Oversteegen, Bekker 2002], к французскому — неизданную работу [Garine 2002]. Исследования показывают, что далеко не всегда плюсквамперфект указывает просто на некоторое событие в прошлом, предшествующее другому (вообще говоря, каждое новое последовательно излагаемое событие предшествует некоторому последующему). Он означает в тексте прежде всего события, «посторонние» по отношению к основной линии повествования (в частности, предшествующие некоторому моменту; out-of-sequence в терминологии Т. Гивона [Givón 1982]). Такое «отвлечение» от «естественной» последовательности излагаемых событий и вызывает, согласно гипотезе, высказанной в [Плунгян 2004а], ирреальные употребления плюсквамперфекта в условных конструкциях (*если бы ты знал язык, не заблудился бы в горах*; существует также ряд других взглядов на эту проблему, изложенных, прежде всего, в [Fleischman 1989] и [Dahl 1997]).

3. Плюсквамперфект и показатели неактуального прошедшего в интродуктивной функции

Использование таких форм, как плюсквамперфект или неактуальное прошедшее, в интродуктивной функции также объясняется через двуплановость коммуникационной ситуации нарратива. Такое объяснение предложено, в частности, Т. А. Майсаком и С. Г. Татевосовым, анализировавшими багвалинский плюсквамперфект [Майсак, Татевосов 2001: 366]: «Плюсквамперфект, который противопоставляет актуальный и неактуальный временные планы,... является своего рода связующим звеном между нарративной последовательностью и ситуацией коммуникации».

Интродуктивная функция, как уже говорилось, с чисто семантической точки зрения в принципе может рассматриваться как частный случай события «вне последовательности» в терминологии Гивона. Однако далеко не всегда она маркируется так же, как отступления от нарративной линии (в частности, она нехарактерна для литературного английского Past Perfect; об отсутствии импликации в обратную сторону сказано только что, см. также конец подраздела 3.2), а кроме того, ее маркирование часто «накладывается» на первые звенья собственно нарратива. Поэтому использование плюсквамперфекта и неактуального прошедшего в этой функции безусловно заслуживает особого рассмотрения. В свою очередь, «интродуктивность» предстает как некоторое множество более частных функций, которые не всегда маркируются одним и тем же средством. В настоящем разделе мы и рассмотрим это множество.

3.1. Дискурсивный маркер вводного фрагмента

3.1.1. «Предыстория»

Использование плюсквамперфекта в абсолютном начале текста — позиция, в наименьшей степени благоприятная для классического «толкования» этой формы: «предшествование по отношению к некоторому событию в прошлом». В самом деле, ни о каком другом событии, будь то событие в прошлом или не в прошлом, речь еще не шла, и ситуации излагаются в том порядке, в каком происходили в действительности. В таких случаях, казалось бы, ничто не мешает обычному для нарратива употреблению одного и того же времени (претерита, перфектива или аориста). Для таксисной трактовки этой функции (как, впрочем, и практически всех, перечисленных выше как типовые значения зоны неактуального прошедшего, — «отмененный результат», «ирреальное условие» и другие) нужно прибегать к тем или иным метафорам или конструктам.

Такая ситуация налицо, в частности, при использовании этой формы для маркирования последовательности событий, предшествующих точке, с которой начинается «основное» повествование. Иными словами, плюсквамперфект выступает именно и только как

средство субъективно разграничить «историю» от «предыстории», ведь в таком случае все события идут строго одно за другим, иконическая последовательность выдержана, но некоторое событие объявляется «точкой отсчета» (в классической терминологии Рейхенбаха—Комри), а остальные — предшествующими ему (и всей последующей нарративной линии). Е. И. Шендельс характеризует соответствующую функцию немецкого плюсквамперфекта так: «Плюсквамперфект в препозиции производит впечатление смысловой паузы. Он отрезает, вычленяет какой-то временной отрезок, представляя его в виде пролога, после которого начинается собственно повествование» [Шендельс 1970: 107].

Такая дискурсивная функция есть также у плюсквамперфекта в итальянском языке. В этом времени нередко строится «вступление» к рассказу (несколько предложений):

- (1) Don Camillo si era lasciato un po' andare durante un fervorino a sfondo locale con qualche puntatina piuttosto forte per *quelli là* e così, la sera dopo, attaccatosi alle corde delle campane perché il campanaro l'avevano chiamato chi sa dove, era successo l'inferno⁴.

‘Дон Камилло [накануне] малость увлекся, обличая местные нравы и в особенности «тех самых, которые», и вот, следующим вечером, как только он ухватился за колокольные веревки, ибо звонарь уехал (букв. его позвали) Бог знает по какому делу, случилось нечто ужасное’ (начало рассказа Джованнино Гварески «Inseguimento su strada»).

Все финитные глагольные словоформы этого вступления стоят в плюсквамперфекте (русскому *как только он ухватился* соответствует причастный оборот *attaccatosi*) независимо от их взаимной последовательности («нечто ужасное» случилось заведомо после того, как дон Камилло «малость увлекся», но уехал ли звонарь до «обличений» главного героя или после — неизвестно и не влияет на выбор времени). Дальнейшее повествование ведется в *passato remoto*, обычном нарративном времени письменного итальянского языка. В русском переводе желательно употребить *накануне*, передающее часть

---

⁴ Автор признателен Павлу Петрухину и Ольге Гуревич за данный пример.

информации, выраженной в оригинале плюсквамперфектом (однако не всю, так как интродуктивный фрагмент захватывает и события «следующего вечера» — плюсквамперфект употребляется независимо от того, насколько событие удалено во времени от начальной точки повествования).

Авторы грамматики [Maiden, Robustelli 2000] указывают, что «для передачи событий, которые в известном смысле представляют собой прелюдию к центральному эпизоду в нарративе, в итальянском гораздо охотнее, чем в английском, употребляется плюсквамперфект» [ibid.: 293]; там же приведен пример из прессы, вполне аналогичный только что приведенному литературному.

В данном случае интродуктивный фрагмент представляет собой микронарратив, события которого, по крайней мере, отчасти, действительно предшествуют излагаемым далее. Однако более частотный случай не позволяет и такой трактовки.

3.1.2. «Исходное положение вещей»

Достаточно широко представлено в языках мира такое явление, как особое маркирование интродуктивного фрагмента, означающего не последовательность точечных событий, а положение вещей, верное на протяжении всего нарратива или по крайней мере его начального фрагмента (это частный случай такого дискурсивного значения, как *фоновая информация* — ситуация, имеющая место на протяжении временного интервала, включающего в себя события нарративной линии; ср. [Майсак, Татевосов 2001: 365]). Так, в нижеследующем примере из языка сантали сочетанием перфекта с показателем ретроспективного сдвига *tahẽkan* (то есть плюсквамперфектом) маркируется продолжительная ситуация, на фоне которой завязывается повествование:

- (2) *ʃis jokheñre coñ, kathae, pea koʃa mit'ʔaṅ jojo dare butaʔeko*
duʔup-akan-tahẽkan-a, ar onkoteye mit' ʔaṅ hor paromakana.
сидеть-ПЕРФ-РЕТРО-ИЗЪЯВ
'Однажды, как говорят, трое мальчиков сидели под плодовым деревом рядом с дорогой, которая там проходит (букв. пролегла)' [Фризен 1982: 48]

Как известно, основные персонажи в русских сказках (и, что особенно важно для оценки древности явления, иногда и в северных былинах) вводятся конструкций *жил-был/жила-была/жили-были*, которая формально совпадает с древнерусским плюсквамперфектом, известным из средневековых источников. В третьем лице он обычно лишен связки настоящего времени: *пошелъ былъ*, в то время как в первых двух лицах выступала форма, аналогичная европейским «сверхсложным»: *пошелъ есмь/еси былъ*, впрочем, возможна и интерпретация, не учитывающая связку настоящего времени как показатель лица [Шевелева 2007]. Подробнее об этой форме см. [Петрухин, Сичинава 2006]; о славянской форме на фоне европейских сверхсложных также [Сичинава 2007]. В филологии XIX—XX вв. господствовала точка зрения, согласно которой *жили-были* представляет собой реликт древнерусского плюсквамперфекта. Однако в монографии [Ткаченко 1979] (см. также [Вайс 2003: 55]) утверждается, что отсутствие подобных конструкций в иных славянских языках, в том числе восточнославянских, и наличие близких (хотя и не тождественных) зачинов в фольклоре пермских и волжских финно-угров свидетельствует о кальке с типичного «двойного глагола» из какого-либо вымершего финно-угорского языка, послужившего субстратом, предположительно мерянского или муромского. Исходная конструкция реконструируется как **elä-wole-*. С точки зрения Д. Вайса, это решение полностью закрывает проблему: «Интересно отметить, что все еще пользующаяся популярностью среди русистов альтернативная гипотеза о славянском происхождении формулы *жил-был* (обычно ее выводят из давнопрошедшего времени) отстаивается исключительно авторами, которым работа [Ткаченко 1979], по всей видимости, неизвестна» [Вайс 2003: 55]. Таким образом, по Ткаченко и Вайсу, конструкция *жили-были* изначально становится в ряд не со словоизменительными формами глагола, получающими ту или иную интерпретацию в дискурсе, а с чисто лексическими или синтаксическими формулами, маркирующими зачин в фольклоре (вроде распространенных на Кавказе оборотов со значением 'был, не был' или западноевропейского 'был однажды' с безличной конструкцией: *es war einmal, il était une fois* и тому подобное).

Однако выводы работы [Ткаченко 1979] подвергнуты подробной и убедительной критике в статье П. В. Петрухина [2007]. Оказывается, что собранный Ткаченко финно-угорский материал практически не содержит примеров устойчивой конструкции 'жили' + 'были', которая использовалась бы именно в интродуктивной функции (значительную часть материала составляют серединные формулы типа русского *долго ли, коротко ли*, причем нередко с несколько иной структурой; если интродуктивная семантика есть, то она сочетается и с другими функциями), что не согласуется с фактом общевеликорусского бытования формулы *жили-были* именно в таком виде и именно с такой семантикой. В качестве «единственно возможного» субстратного источника у Ткаченко постулируется мерянский язык, о котором не известно в сущности ничего, а распространение формулы во всей России объясняется явно курьезным образом через влияние «центральных областей Русского государства», фольклор которых якобы пользовался «особым авторитетом» (!).

С другой стороны, зачинная семантика присутствует у плюсквамперфектных конструкций исконно русского происхождения (факт, еще не выявленный ко времени написания работы Ткаченко и статьи [Евгеньева 1951], на которую тот во многом опирается⁵). Интродуктивная семантика несколько другого типа имела у плюсквамперфекта в разговорном древнерусском, представленном в берестяных грамотах (см. следующий подраздел). Кроме того, грамматические формы с согласуемым *был-*, типа *родилась была, пришли были*, употребляемые далеко не только и не столько с глаголом *жить*, широко представлены в северных русских диалектах (см. прежде всего [Пожарицкая 1991, 1996]) и вряд ли могут быть объяснены исключительно как калька с финно-угорских форм (хотя дополнительное формальное и семантическое влияние, контактное и/или субстратное, представляется вполне вероятным, см. [Петрухин, Сичинава 2006]). Оказывается, что среди значений этих диа-

---

⁵ Трудно удержаться от искушения процитировать в контексте данной статьи утверждение Евгеньевой, вполне объяснимое тогдашним состоянием вопроса: «представляется поэтому совершенно невероятной постановка plusquamperfekt'a в зачине, в начальной фразе... Это — отнюдь не специфика plusquamperfekt'a» [там же: 168—169].

лектных форм как будто представлена, судя по описанию С. К. Пожарицкой, и семантика, близкая к интродуктивной: так, есть указание на «большую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]. К сожалению, в обсуждаемых статьях не приводятся фрагменты текстов (только отдельные предложения), а диагностировать дискурсивные функции той или иной глагольной формы можно, только располагая полным текстом или, по крайней мере, достаточно широким контекстом примера. В цитируемых автором примерах «введение ситуации прошедшего времени» совмещено с семантикой ‘прекращенной ситуации’:

(3) У меня мама-то было была.

(4) Было у нас еропорт был вóде.

Таким образом, версия о субстратном влиянии не исключена, но связь *жили-были* с плюсквамперфектом в целом может считаться вполне реальной⁶.

Функция маркирования «исходного положения вещей» может выражаться отдельно от «предыстории» (а это значит, что «исходное положение вещей» концептуализируется как интродуктивный фрагмент, а «предыстория» — нет). Так, например, в языке бамана (нигер-конголезские, группа манде) показатель ретроспективного сдвига *tin* выступает как показатель событий вне нарративной последовательности, в том числе маркирует предикации вида *жил-был X*. Между тем нарративную предысторию разворачивающихся в тексте событий, для которой в итальянском языке, как мы видели, используется плюсквамперфект, язык бамана трактует как часть главной нарративной цепи. В тексте, взятом из [Recueil 1978: 22 ff] и разби-

---

⁶ В недавней статье [Менгель 2007: 24] (учитывающей в том числе и материал работ Пожарицкой) проводится в целом довольно искусственное разделение между согласуемыми формами с *был/была/были* (семантически якобы таксисными) и несогласуемыми с *было* (семантически «давнопрошедшими»); так как *жили-были* в эту гипотезу не вписывается, Менгель ничего не остается, как принять версию Ткаченко-Вайса о том, что это вообще не плюсквамперфект, а калька с финских языков.

раемом в [Plungian, Auwera 2006], показатель *tun* не сопровождает нарративные фрагменты, входящие в предысторию (ниже, как и в этой статье, дается только перевод; соответствия форм, содержащих этот показатель, подчеркнуты; соответствия нарративного времени, перфектива — выделены полужирным):

- (5) (а) Жила-была сиротка.
(б) Ее мать **умерла** и **оставила** ее мачехе (другой жене отца).
(в) У мачехи тоже была дочь.
(г) Раньше, когда девочки собирались выйти замуж, они шли и приносили калebas.
(д) Каждая стремилась найти калebas, чтоб добавить его к своему приданому.
(е) Сиротка, когда **подошла** ей пора выходить замуж, должна была пойти с девушками своего возраста туда, где росли калebasовые деревья.
(ж) Итак, девушки **пришли** за ней.

Как видим, исходное положение вещей (конструкции типа *жили-были*, 5а и 5в) трактуется как интродуктивный фрагмент и маркируется так же, как неактуальная «фоновая» информация (5г, 5е — конец), однако иначе, чем факты предыстории (*ее мать умерла и оставила ее*, 5б), выступающие в одном ряду с основной линией нарратива (5е — начало; 5ж).

На протяжении этого раздела мы намеренно оставляли без комментария одну особенность, наличествующую во всех разбираемых случаях:

- в связи с примером из бамана заметим, что показателя *tun* нет в звене 5д, составляющем часть фоновой информации; В. А. Плуноян и Й. ван дер Аувера поясняют, что «(д) представляет собой естественное продолжение (г) и строится в временном интервале (temporal frame) предыдущего предложения» [ibid.];
- в связи с примером из сантали заметим, что уже во второй предикации нет показателя *tahẽkan*, хотя «проходящая дорога» в той же мере (если не в большей, ввиду постоянства ситуации) принадлежит к исходной ситуации, что и «сидящие мальчики»;
- наконец, в связи с русским *жили-были* заметим, что, каким бы ни было его происхождение, соответствующая застывшая формула

маркирует обычно только самую первую предикацию сказки (конечно, нужно иметь в виду то, что здесь речь идет уже о лексической единице и соответственно только о возможностях замены лексем *жить* и *быть*): *Жили-были дед да баба, и была / жила / ?жила-была у них Курочка Ряба*; ср. типовые примеры в своде Афанасьева: *Жил-был* (sic) *мужик да баба, у них было два сына* [Афанасьев 1985: III: 67]; *В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван* [там же: 73]; ср. также с перестановкой компонентов: *Был-жил старик со старухой. У них было три дочери; меньшая была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать* [там же: II: 94].

Действительно, для показателей неактуального прошедшего гораздо характернее не маркировать интродуктивный фрагмент целиком (на всех без исключения предикациях), а отмечать только первые несколько предикаций (в частности, только одну, самую первую). Такая стратегия была представлена, помимо перечисленных примеров, еще в мертвом убыхском языке (абхазо-адыгские; мы пользовались также данными анализа [Короткова 2006]). Здесь плюсквамперфект образуется сочетанием показателя перфективного прошедшего $-q(a)$ и особого показателя «прошедшего времени» $-\acute{e}(y)t$, выступающего также в составе имперфекта. Этот суффикс $-\acute{e}(y)t$, который можно интерпретировать как показатель ретроспективного сдвига, Ж. Дюмезиль [Dumézil 1931: 50] этимологически возводит к претериту связки — то есть так же, как и русское *было*, и сантали *tahēkan*. Среди функций, которые можно выделить у словоформ плюсквамперфекта в убыхских текстах, налицо и интродуктивная, причем именно рассматриваемого свойства. Приведем первое предложение сказки «Гордячка»:

- (6) adiye-γa   šoç-γa   yedänä   a-nəš^w-ə-nə
 Черкесия-ЛОК   Шочуа-ЛОК   очень   ОПР-красивый-АТР
 a-pčəqə-nə   t̪i̪t̪i-n   wä-θ'-qə-nə
 ОПР-порядочный-АТР   человек-АТР   ДИР-быть-ПФ-АТР
 zä-pxädiku   le-θ-q-êyt
 один-девушка   ЛОК-быть-ПФ-РЕТРО
 'В Черкесии, в Шочуа жила очень красивая, порядочная девушка благородного происхождения (= из [благородных] людей бывшая)' [Dumézil 1931: 123]

Во втором предложении этого же текста ('много юношей были на ее [руку] претендентами') показатель $-ê(y)t$ не повторен.

Показатель плюсквамперфекта (или неактуального прошедшего) служит, таким образом, начальным сигналом некоторого дискурсивного фрагмента, тесно скрепленного логическими связями, одновременно маркируя его интродуктивный статус. Можно сказать, его сфера действия распространяется сразу на несколько глагольных словоформ.

В непосредственной связи с таким употреблением стоят две частные дискурсивные функции плюсквамперфекта и/или неактуального прошедшего: маркирование самого первого звена собственно нарратива и маркирование первого звена фрагментов нарратива, вводящих новых персонажей или события (если угодно, «глав» или «разделов» текста). В этом случае текст (или фрагмент текста) лишен специального «интродуктивного» раздела, зато его начало сигнализируется особым образом. Эти функции мы и рассмотрим далее. Отметим сразу, что вторую из них не следует относить к множеству значений, которое мы называем «сдвиг начальной точки»; это уже иная, хотя и связанная с ним, дискурсивная функция, которую мы разберем более кратко.

3.2. «Первый шаг», или «Цепная реакция»

Метафора «цепной реакции», вынесенная нами в заголовок этого раздела, предложена Е. И. Шендельс при анализе функций немецкого плюсквамперфекта. В данном разделе ее работы [Шендельс 1970: 106—107] обсуждается уже упоминавшаяся нами функция маркирования «экспозиции» (в нашей терминологии, интродуктивного фрагмента, который сам представляет собой нарратив, или «предысторию» событий). «При непосредственном соседстве двух форм предшествующий плюсквамперфект “заряжает” своими семами претерит. Давая экспозицию, автор может избрать любой вариант: передать все события в плюсквамперфекте или только начать с плюсквамперфекта, предоставив остальное влиянию цепной реакции».

Подобная «цепная реакция» появляется, судя по приводимым Шендельс примерам, не только в начале текста, но и при использовании плюсквамперфекта в отступлениях от основной линии нарратива:

- (7) Einst war ich auf dieser Bank ingeschlafen und träumte von Glück und Liebe (Г. Гейне, одно из срединных предложений книги «Идеи. Le Grand»).

‘Когда-то я заснул на этой скамье и грезил о счастье и любви’

Здесь первая предикация стоит в плюсквамперфекте, вторая — в обычном претерите (используемом как для передачи сменяющих друг друга событий в нарративной цепи, так и в фоновой функции).

В целом ряде генетически не связанных языков засвидетельствовано более общее дискурсивное употребление плюсквамперфекта или показателей неактуального прошедшего — для передачи *первого* события в нарративной цепи, для последующих используется нарративное время по умолчанию. Таким образом, самое первое событие в нарративной цепи одновременно трактуется и как интродуктивный фрагмент, сигнализирующий о начале разворачивания событий; это в одно и то же время «уже» нарратив и «еще» не нарратив (для построения минимальной цепочки нужно два последовательных события). В то же время выбор «неактуальной» формы относит рассказ в область более или менее замкнутого временного интервала. Неизвестно, всегда ли в таком случае показатель первой предикации «заряжает» весь текст «своими семемами», говоря словами Шендельс, но такая стратегия явным образом совмещает сигнализацию начала текста и семантику «прошедшего, но не настоящего».

Такая функция (особо не выделяемая, насколько нам известно, существующими описаниями) имеется у плюсквамперфекта в турецком языке, причем так ведет себя и форма, образованная от перфекта на *-miş-* (в отличие от перфекта не имеющая эвиденциальных оттенков значения), и более редкая форма, где показатель претерита *ti-/di-* повторен дважды:

- (8) Şehre saat 10 da var-miş-ti-k, bürosuna saat 3 te gittik [Lewis 1967: 123].

‘Мы прибыли в город в 10 часов, отправились в его контору в 3 часа’ (вторая предикация маркируется уже обычным претеритом на *-ti-*)

- (9) Bir zamanlar John ile tanış-tıy-dı-m [Cinque 2002]

‘Однажды я встретил Джона’

Уже упоминавшийся древнерусский плюсквамперфект с *был-* в берестяных грамотах имеет функцию маркирования первой предикации. «В ряде случаев фраза с плюсквамперфектом стоит в самом начале рассказа... Далее могут описываться какие-то другие события... но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого. В книжном тексте сказуемое такой фразы должно было бы стоять в аористе» [Зализняк 1995/2004: 175—177]. Наиболее яркий пример — длинный нарратив из грамоты № 724 (вероятно, 1161—1167 г., судя по содержанию), начинающийся так:

(10) Ѡ Савы поклананеє къ братѣи и дрѣжинє. Оставили ма были людѣе, да оstatt дани исправити было имѣ досени, а по первомѣ пѣти послати и отѣбыти проче. И заславъ Захарѣа въ в[ѣ]ре ѡрокль...

‘Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, при- слав человека, клятвенно заявил...’

Как видим, только первое событие дается в плюсквамперфекте, второе уже излагается в перфекте, получившем достаточно рано нарративные функции (*уроколь*). «Исходное положение вещей» *исправити было имѣ* стоит тоже в перфекте, но это не показательно, так как от глагола *быти* плюсквамперфект типа **быль быль* в древнерусских текстах — в отличие от современных говоров — не засвидетельствован. С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела еще в двух грамотах (№ 195, XIV в.: *реколь еси быль во своемь селе верши вств добры* ‘Ты сказал, что в твоём селе хлеба все хороши’; № 300, XV в.: *и Терохъ возилесь быле в ...имовъ хоромъ* ‘И Терех переезжал в ...имов дом’; то и другое, как и в № 724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена, и нельзя провести границу между маркированием «первого шага» и «предыстории», в наших терминах.

Плюсквамперфектная форма употребляется в обсуждаемой функции и в речи афроамериканских детей — причем в ряде случаев это не стандартный Past Perfect, а сочетание *had* с формой претерита,

например, *had gave*, а не *had given*, что вообще нередко для аналитических форм в Black English и креолах (таким образом, это *had* выступает как показатель ретроспективного сдвига/неактуального прошедшего). Так, в [Rickford, Théberge-Rafal 1996: 229] отмечено: «одним из обычных контекстов для претерита с *had* является, например, маркирование *первой* клаузы, содержащей завязку (complicating action) в нарративе — что исключает возможность ретроспективного отступления (flashback)». В цитируемых примерах интродуктивный фрагмент (в терминах У. Лабова, используемых в работе, «abstract» и «orientation»: предикации 11а—11б) излагается в «стандартном» претерите, а первое звено нарративной цепи, 11в, содержит показатель *had*:

(11) (a) This is a story that happened to me Monday, not long ago

(б) I was on my way to school

(в) and I had slipped

(г) and fell

(д) and I ran back in the house

(е) to change my clothes <...>

‘Вот такая история случилась со мной в понедельник, не так давно. Я шел в школу, поскользнулся и упал, и побежал домой переодеться...’

Исследователи отмечают, что такая форма в исследуемых ими нарративах не употребительна ни в значении предшествования некоторой (пусть даже воображаемой) точке отсчета (употребление плюсквамперфекта согласно Рейхенбаху и Комри), ни в значении отступления от последовательности нарративных событий (out-of-sequence; употребление плюсквамперфекта согласно Гивону), поэтому необходимо выделение особой дискурсивной функции [ibid.: 229—231]. Ср. также на ту же тему работу [Ross, Oetting, Stapleton 2004], где указано, что данная форма выступает также для структурирования основной нарративной линии (в то время как ее использование в собственно интродуктивном фрагменте, в описании «исходной ситуации» — orientation — отмечается редко).

Данная функция имеется у плюсквамперфекта в армянском языке (не отмечена в специальной статье об армянском плюсквамперфекте

[Козинцева 1998]; возможно, включена в класс «давнопрошедших» употреблений, [там же: 216—217]), ср., например, начало фольклорной притчи «Человек и арбуз»:

- (12) Mi mard әнқуызи сағи тақ жмерук ēr c'anel. Ev ptugi žamanak ekav tesav mecamec jmeruknerә ev сағиn najec', tesav, or әнқуызә манг ēr. 'Один человек посадила под ореховым деревом арбуз. И в пору урожая пришел и увидел огромные арбузы, а посмотрев на дерево, увидел, что орех мелкий (был)'

В багвалинском языке (нахско-дагестанские, аваро-андо-цезская группа) плюсквамперфект «вводит точечное событие, которое служит отправным пунктом для дальнейшего повествования», «употребляется в интродуктивных предложениях, которые задают основную событийную рамку повествования и характеризуют действующих лиц»:

- (13) Saha dē s'ajlā jetijo juk'a
'В прошлом году я ездила [поступить] учиться'
(первая фраза нарратива; [Майсак, Татевосов 2001: 366]).

В работе Т. А. Майсака и С. Г. Татевосова, где дискурсивные функции всех багвалинских глагольных форм разобраны подробно, отмечено, что багвалинский язык проводит различие между теми разновидностями интродуктивной функции, которые мы в этой статье называем «исходное положение вещей» и «первый шаг». Действительно, исходное положение вещей («предложения, задающие исходные координаты и событийную рамку повествования» [там же: 365], причем «время действия ситуации... включает время действия всего нарратива, или, по крайней мере, большого нарративного фрагмента» [там же: 366]) обозначается в этом языке не плюсквамперфектом, а имперфектом. Плюсквамперфект же «лишь определяет временную координату, от которой отсчитываются последующие события» [там же].

В языке сантали в такой функции может выступать даже «двойной» плюсквамперфект — форма, сочетающая и синтетический показатель плюсквамперфекта *-le-*, и показатель ретроспективного

сдвига *-tahēkan-* (ситуация в языках мунда, где имеется и тот, и другой показатель, с типологической точки зрения, как кажется, уникальна):

- (14) *ado mit'dhao, kathae, ac' eskarge hañhar hanhar oṛak'te peṛahorok'e sen-le-n-tahēkan-a;   ado unṛe uni hanhartet' buḥidae*
идти-ППФ-НЕПЕР-РЕТРО-ИЗЪЯВ   варить-готовить.карри-ДУР-ПЕР-ИЗЪЯВ
daka-utuṛ-e-t'-a...
'Тогда однажды, говорят, он сам, один пошел к тестю и к теще, чтобы сделаться их родственником; итак, теща варит ему карри...' [сказка «The stupid Son-in-Law»; цит. по Grierson 1966: IV: 58].

Употребление в начале сантальского нарратива, с наречиями *sedae jokhēn, sedae jugre* 'давно' или *mit'dhao* 'однажды' того или иного из этих показателей с дальнейшим переходом на немаркированные времена совершенно обычно (ср. [Neukom 2001: 95], [Сичинава 2001: 102]).

Плюсквамперфектная стратегия маркирования первого звена нарратива («первый шаг»), как мы видим, представлена в языках мира весьма часто и при этом не может трактоваться лишь как частный случай употребления плюсквамперфекта для маркирования событий вне нарративной цепи (по принципу «одно звено — еще не цепь»). В [Plungian, Auwera 2006] отмечено, что типологическая независимость маркирования «отступлений» (out-of-sequence по Гивону), с одной стороны, и «сдвига начальной точки» (в понимании наших работ [Сичинава 2001, 2003] о сантали и латыни), с другой стороны, доказывается примером языка агем (см. конец раздела 1), где есть особый показатель первого события нарратива, не имеющий иных функций. Из языков, материал которых привлекается в настоящей статье и которые используют плюсквамперфект/неактуальное прошедшее для «сдвига начальной точки», употребления этой же самой формы в функции «out-of-sequence» нехарактерны для древнерусского и разновидностей Black English, изучавшихся в работах Рикфорда и соавторов.

3.3. Структурирование дискурса, ввод новых персонажей: функция, родственная «сдвигу начальной точки»

Независимо Л. Нойкомом и нами было указано на специфические функции одного из типов плюсквамперфекта (включающего особый показатель неактуального прошедшего, так называемого «ретроспективного сдвига») в австроазиатском языке сантали — данная форма вводит новую ситуацию и новых персонажей не только в начале текста, но и в начале более мелких дискурсивных единиц [Сичинава 2001: 103, Neukom 2001: 96, Sitchinava 2007: 318—319]. «Нижеследующий пример идет после фрагмента, описывающего ссору мужчины с призраком из-за девушки. Рассказ продолжается:

- (15) ado un jokhen-ge, kathae, toyo-do oka-sen coñ
и то время-ФОК говорят шакал-ТОП где-АЛЛ всюду
atiñ-e cala-k³-kan-tahẽkan-a.
кормить(ся)-ЗЕД:СУБ ходить-НЕПЕР-ПРОГР-РЕТРО-ИЗЪЯВ
'В это время, говорят, где-то в поисках пищи бродил один шакал' [Neukom 2001: 96]»

Параллель такому употреблению отыскивается в другом языке, совсем на сантали не похожем — латыни. У классических авторов распространено употребление плюсквамперфекта с дискурсивным значением, относящим все дальнейшее повествование в закрытый интервал прошедшего [Mellet 1994: 112, 1988: 294, где этот феномен называется «плюсквамперфектом начала», *le plus-que-parfait d'ouverture*]. Этот прием встречается и при введении в текст новых персонажей и сюжетов:

- (16) *Bello Punico secundo (...), Masinissa rex Numidarum (...) multa et praeclara rei militaris facinora fecerat* (Саллюстий, *B. Jug.*, 5, 4, [Mellet 1994: 112])⁷
'Во время второй пунической войны (...) Масинисса, царь нумидийцев, (...) совершил немало славных воинских подвигов'

⁷ Для этого примера (в контексте произведения Саллюстия) возможна также интерпретация ретроспективного «отступления» от основной линии событий (за это уточнение благодарим Ю. В. Баранова).

[и далее идет рассказ о подвигах Масиниссы с употреблением форм Perfectum].

«Разграничивающая» функция показателей «предшествования» (anterioris), используемых для структурирования дискурса в креольских языках, упоминается в [Givón 1982]. Новый «топик» вводится показателем *tun* в бамана ([Plungian, Auwera 2006]; [Плунгян 2004]). Подробный анализ такой же функции книжного древнерусского плюсквамперфекта в языке летописей предложен в статье П. В. Петрухина в настоящем сборнике.

Между данной функцией и «сдвигом начальной точки» есть немало общего (употребление только в первой предикации, связь с первым упоминанием новых персонажей и обстоятельств); связаны они, надо полагать, и генетически. Тем не менее, мы не относим эту функцию к «сдвигу начальной точки», поскольку здесь речь идет не об абсолютном начале текста, а о структурировании дискурса на более мелкие фрагменты, связанные с другими. В отличие от собственно «сдвига начальной точки», где на первом плане — противопоставление коммуникативной ситуации и текста, относимого в неактуальное прошедшее при помощи соответствующих глагольных форм, здесь акцентируется уже противопоставление между различными ситуациями в прошедшем. Эта функция граничит и с функцией «отступления» от нарративной цепи, в том числе и во временном плане (ср. неоднозначно трактуемый латинский пример).

4. Перфект в интродуктивной функции

Сдвиг начальной точки и показатель неактуальности — параметры в принципе независимые. Особая форма, в которой стоит первая предикация, может, напротив, «придвинуть» ситуацию в прошлом к актуальному моменту. В такой функции, в частности, выступает такая прагматически «актуализирующая» по своей природе глагольная форма, как перфект в немецком языке.

Эта функция в немецком имеет общую черту с только что разбиравшимися свойствами плюсквамперфекта (а именно, форма пер-

фекта выступает в первом предложении нарратива, так называемый «озаглавливающий» *Überschriftsperfekt*), однако противоположна плюсквамперфектной стратегии по принципу отношения к плану настоящего — она указывает, напротив, на соотнесенность с этим планом, а не на «разрыв» с ним. «Временная форма в первом предложении имеет значимость сигнала. Если это перфект, то он устанавливает связь с моментом речи, с речевой ситуацией и сигнализирует о ретроспективном видении событий» [Шендельс 1970: 98]. Для маркирования интродуктивного фрагмента без акцента на его актуальности для текущего момента используется претерит; зачины типа *Es war einmal...* 'Жил-был...' представляют ситуацию «без всякой связи с настоящим. Рассказчик переносит своих слушателей сразу в прошлое. Претерит создает впечатление временной дистанции» [там же].

Следующий шаг развития этой ситуации — когда перфект в зачине повествования теряет специфику «актуальности» и «близости к участникам коммуникации» и становится синонимичен плюсквамперфекту в этой функции, засвидетельствован в удинском языке (нахско-дагестанские, лезгинская группа). Соотношение функций перфекта и нейтрального повествовательного времени (претерита) в удинском языке вообще очень близко стоит к тому, что мы видим в немецком. Здесь имеются формы претерита (показатель *-i*) и так называемого «перфекта» (*-e*); эти формы сплошь и рядом употребляются в очень близких функциях — в частности, в функции нарративного времени — и могут рассматриваться как воплощающие один элемент видо-временной парадигмы. В октомберийском говоре варташенского диалекта уже налицо типологически тривиальная ситуация утраты претерита и господства во всех контекстах, типичных для простого прошедшего, формы на *-e* [Harris 2002: 27]. В целом же, в удинском языке для перфекта (наряду с контекстами, свойственными и претериту) характерны собственно результативные употребления, а кроме того, он употребляется в контекстах передачи «фоновой» информации. Особенно характерны интересующие нас интродуктивные контексты: ср. начало сказки «Благодарный мертвец», опубликованной А. Дирром [Dirr 1928: 60—63]:

- (17) ba_1-ne-k_2-e sa $pasč'ağ$
быть_{1,2}-ЗЕД-ПЕРФ   один   царь
 $me-t'ai$ ba_1-ne-k_2-e-i xib $ğar$
БЛИЗ-ОБЛ-ГЕН   быть_{1,2}-ЗЕД-ПЕРФ-РЕТРО   три   сын
 sa $vaxt'a$ $fikir-re-b-i$ ...
один   время-ДАТ   мысль-ЗЕД-делать-ПРОШ
'Жил-был один царь, у которого было три сына. Однажды он подумал: [интересно, кто из моих сыновей самый умный?]'

Как видим, в приведенном нами контексте параллельно с перфектом выступает и плюсквамперфект, образованный от перфекта при помощи показателя ретроспективного сдвига *-i*, который совпадает с показателем претерита (*ba-ne-k-e-i*). Таким образом, специфика, разграничивающая перфект и плюсквамперфект — грань между актуальностью и неактуальностью — здесь уже стерта; тенденции к развитию дискурсивного значения этих форм сошлись в одной точке.

Такая функция перфекта в определенной степени, хотя и не полностью, коррелирует с другими дискурсивными функциями этой формы в нарративе: ситуация здесь симметрична ситуации с плюсквамперфектом. Случай, когда перфект (в отличие от нейтрального повествовательного времени) в нарративе маркирует фоновую информацию и отступления от основной линии (в частности, окрашенные близостью к коммуникативной ситуации), является достаточно распространенным. Таково, например, употребление перфекта не только в немецком и обсуждаемых говорах удинского, но и в литературном румынском, где сохраняется аорист [Сикацкая 1984], в древнерусском летописей, где эта форма, заменяя плюсквамперфект, апеллирует к уже известным читателю событиям [Петрухин 2004].

5. Некоторые общезыковые аналогии

Интродуктивный фрагмент текста, как мы видели, во многих языках специально маркируется (в частности, имеет особый тип маркирования — «приближающий» или «удаляющий» с прагматической и объективно-дейктической точки зрения). Кроме того, ши-

роко представлен такой эффект, как «цепная реакция» — специфическому маркированию подвергаются только первое предложение дискурсивного фрагмента (интродуктивного, как собственно при «сдвиге начальной точки», или иного, как при структурировании текста и введении новых эпизодов) либо первое предложение нарративной цепи, остальные используют маркирование по умолчанию. Встает вопрос, являются ли эти факты изолированными либо же представляют собой отражение некоторых более общих языковых тенденций.

Возможно предложить следующие аналогии, помогающие объяснить причину наблюдаемых явлений.

Во-первых, использование особого глагольного показателя для маркирования интродуктивного фрагмента (а также введения нового эпизода) представляет собой в известной степени параллель к хорошо известному в лингвистике различию «данное vs. новое» (в принципе независимому от коммуникативного членения «тема vs. рема», ср., напр. [Падучева 1985: 114—115]). В частности, такой специфический феномен, как «независимое начало» или «независимая рема» (см. там же), т. е. референт, до начала текста, как и весь текст, неизвестный слушающему, а после первого же предложения вроде *жил-был Вася* (рема) или *Майор был скуп* (тема, или «начало», по Падучевой) становящийся неоправдимо «старым» и «данным» — прямо связан с необходимостью введения в пространство текста новых ситуаций⁸. Конечно, в нарративе каждое новое событие, сменяющее друг друга, является «новым», однако второе и последующие события происходят уже в пространстве заданных констант и внутри логики уже начавшейся и развивающейся нарративной последовательности.

---

⁸ Оговоримся, что здесь мы не касаемся вовсе такой коммуникативно-дискурсивной категории, как фокус, представленной во многих языках мира (северокавказские, палеоазиатские и др., между прочим, и сантали, разбираемый в статье); в таком случае всякое событие маркировано как находящееся или не находящееся в фокусе внимания говорящего и/или слушающего. Эта категория имеет свою специфику и, в общем, не связана прямо с противопоставлением нарративных фрагментов ненарративным.

Во-вторых, однократное выражение глагольного маркирования целого текста находит аналогии на других уровнях языка. В морфологии аналогом здесь выступает не только такое хорошо известное явление, как групповая флексия [Мельчук 1997: I: 198], относящаяся к нескольким сочиненным однородным членам предложения или ко всей именной группе (в таком случае «на поверхностно-морфологическом уровне», по Мельчуку, флексия «стирается»; такие правила могут быть и факультативными), но и вообще экономное однократное выражение некоторой морфологической категории, не требующее согласования и повторения граммем (либо появления обусловленных граммем) при каждой словоформе (ср. *black cat-s* vs. *черн-ые кошк-и*). Нефинитные глагольные формы, а также особые промежуточные образования, так называемые «инъюнктивы» или «семантически немаркированные» элементы парадигмы, демонстрируют феномен «наследования» грамматических категорий из полностью оформленных финитных словоформ, причем, как правило, из левого контекста [Шлуинский 2004]. В синтаксисе, как известно, широко представлены такие процессы, как сочинительное сокращение и эллипсис; для наречных компонентов и кванторов естественно иметь широкую сферу действия (*score*), а не вноситься «под скобки» и повторяться при каждом слове, для которого они релевантны. Так что в том, что глагольный показатель имеет сферу действия, превышающую пространство одного предложения, с точки зрения языка нет ничего необычного: это по сути тривиальная экономия языковых средств, давно, со времен Поливанова и Мартине, известная общеязыковая тенденция. Точно так же неувидительна и крайняя, начальная позиция этого показателя, что прозрачным образом связано с естественным порядком развертывания текста (переосмысление «задним числом» нарративного фрагмента, объем которого в принципе открыт, в обычном случае невыгодно для слушающего).

В-третьих, заметим, что в целом ряде случаев для инактуализирующего сдвига «начальной точки» употребляется специфический аддитивный показатель ретроспективного сдвига, добавляющийся к готовой словоформе; часто он имеет также известную просодическую автономию. Можно рассматривать, вообще говоря, *были* в севернорусском плюсквамперфекте (не говоря уже о русском *жили-*

были, ныне представляющем чисто лексическую формулу), бамана *tin* или *tahēkan* в сантали не только как показатель, но и как особое (полу)самостоятельное слово, выступающее «сигналом» того или иного дискурсивного фрагмента — то, что, например, в [Schiffrin 1987] называется *discourse marker*, а в [Путеводитель 1993] или [Киселева, Пайяр (ред.) 1998] «дискурсивным словом». «Сигнальная» функция такого показателя, таким образом, встает в один ряд не только с явлениями вроде групповой флексии, но и со структурирующими текст лексическими единицами вроде *итак* и *в самом деле* (или, если говорить специально о «сдвиге начальной точки», то со стандартными сказочными зачинами, упоминавшимися в 3.1.2); а для них уже как раз совершенно нормально и естественно маркировать соответствующий фрагмент дискурса один и ровно один раз (и притом именно в самом его начале). Ср. хотя бы структурирующие дискурс слова *во-первых*, *во-вторых* и *в-третьих* в данном разделе нашей статьи: каждое из них открывает достаточно большой абзац, который весь является сферой его действия.

Обсуждаемый «пучок» функций глагольных форм, обозначенный как «сдвиг начальной точки», вполне вписывается как в общеязыковые принципы поверхностного выражения семантики, так и в принципы организации дискурса. Этот набор функций независим (как по сути, так и по способам выражения) от других, в том числе дискурсивных, функций плюсквамперфекта, неактуального прошедшего и перфекта.

Список сокращений

АЛЛ	— аллатив	ЕД	— единственное число
АТР	— атрибутивность	ИЗЪЯВ	— изъявительное
БЛИЗ	— близкая локализация		наклонение
ВСПОМ	— вспомогательный глагол	ЛОК	— локатив
ГЕН	— генитив	НЕПЕР	— непереходность
ДАТ	— датив	ОБЛ	— обликвус
ДИР	— директив	ОПР	— определенность
ДУР	— дуратив	ПЕР	— переходность

ПЕРФ — перфект	РЕТРО — ретроспективный сдвиг
ППФ — плюсквамперфект	СУБ — субъект
ПФ — перфектив	ТОП — топик
ПРОГР — прогрессив	ФОК — фокус

Литература

- Афанасьев 1984—1985. *Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т.* М.: Наука. (Лит. памятники).
- Вайс Д. 2003. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (6), 37—59.
- Евгеньева А. П. 1951. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // *Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944)*. Сб. статей. Л., 165—174.
- Зализняк А. А. 1995. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки русской культуры. (2-е изд. 2004).
- Киселева К. Л., Пайяр Д. (ред.) 1998. *Дискурсивные слова русского языка*. М.: Метатекст.
- Коваль А. И., Нялибули Б. А. 1997. *Глагол фула в типологическом освещении*. М.: Русские словари.
- Козинцева Н. А. 1998. Плюсквамперфект в армянском языке // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 207—219.
- Короткова Н. А. 2006. *Плюсквамперфект в абхазо-адыгских языках (в типологическом освещении)*. Рукопись.
- Майсак Т. А., Татевосов С. Г. 2001. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 345—366.
- Мельчук И. А. 1997. *Курс общей морфологии. Т. 1: Введение. Часть первая: Слово*. М.; Вена: ЯРК.
- Менгель С. 2007. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // *Вопросы языкознания*, № 6, 14—31.
- Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. М.: Наука.
- Петрухин П. В. 2004. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 313—329.
- Петрухин П. В. Наст. сб. К вопросу о дискурсивных функциях древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей).

- Петрухин П. В. 2007. *Жили-были: вопрос закрыт?* // *Русский язык в научном освещении*, № 2.
- Петрухин П. В., Сичинава, Д. В. 2006. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М.: ЯСК, 193—214.
- Плунгян В. А. 1998. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // *Язык. Африка. Футуре: сб. научн. статей в честь А. И. Коваль*. СПб.: Европейский дом, 106—115.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 50—88.
- Плунгян В. А. 2004. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А. П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 390—411.
- Плунгян В. А. 2004а. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 273—291.
- Пожарицкая С. К. 1991. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves* LXIII/4, 787—799.
- Пожарицкая С. К. 1996. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991—1993*. М., 268—279.
- Путеводитель 1993 — Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Русские словари.
- Серебренников Б. А. 1960. *Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы*. М.: АН СССР.
- Сикацкая Н. Ю., 1984. О некоторых прагматических аспектах использования простого и сложного перфекта в авторском тексте (на материале румынского языка) // *Семантико-синтаксическая организация предложения и текста в современном французском языке*. Горький: Гос. пед. ин-т иностранных языков, 84—89.
- Сичинава Д. В. 2001. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 89—114.
- Сичинава Д. В. 2003. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // *Вопросы языкознания*, № 5, 40—52.

- Сичинава Д. В. 2007. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола*, М.: Пробел-2000, 102—130.
- Сыромятников Н. А. 2002. *Классический японский язык*. М.: Восточная литература.
- Ткаченко О. Б. 1979. *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*. Киев.
- Фризен В. И. 1982. *Глагол в сантальском языке*: диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. М.: ИСАА МГУ.
- Шевелева М. Н. 2007. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*, № 2.
- Шендельс Е. И. 1970. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. М.: Высшая школа.
- Шлуинский А. Б. 2004. Вне реалиса и ирреалиса: «семантически немаркированные» глагольные формы // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 188—209.
- Anderson S. 1979. Verb structure // L. Hyman (ed.). *Aghem Grammatical Structure*. Los Angeles: USC, 73—136 (SCOPI 7).
- Arnavielle T. 1978. Remarques sur l'emploi du plus-que-parfait de l'indicatif en français moderne // *Mélanges de philologie romane offerts à Charles Camproux*. Montpellier: Centre d'études occitanes, vol. 2, 615—621.
- Cinque G. 2002. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // E. Taylan (ed.). *Verb in Turkish: The Core Element of Clause Structure*. Amsterdam: Benjamins, 47—59.
- Comrie B. 1985. *Tense*. Cambridge: CUP.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Dahl Ö. 1997. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 97—114.
- Dirr A. 1928. Udische Texte // *Caucasica* 5, 60—72.
- Dumézil G. 1931. *Les langues des oubykhs*. Paris.
- Fleischman S. 1989. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in Language*, 13.1, 1—50.
- Givón T. 1982. “Tense-Aspect-Modality”: The Creole Prototype and Beyond // J. Hopper (ed.) *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 115—163.
- Grierson G. A., [ed.] 1966. *The Linguistic Survey of India*. Vol. IV. Delhi; Varanasi; Patna.

- Harris A. 2002. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Labov W., 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Lascarides A., Asher N. 1993. A semantics and pragmatics for the pluperfect // *Proceedings of the Sixth Conference on European Chapter of the Association for Computational Linguistics*. Utrecht: ACL, 250—259.
- Lewis G. L. 1967. *Turkish Grammar*. Oxford: Clarendon.
- Mellet S. 1988. *L'imparfait de l'indicatif en latin classique: temps, aspect, modalité*. Louvain: Peeters.
- Mellet, S. 1994. Les temps du passé: le plus-que-parfait // S. Mellet, M. D. Joffre, G. Serbat. *Grammaire fondamentale du latin: le signifié du verbe*. Louvain: Peeters.
- Neukom L. 2001. *Santali*. München: LINCOM Europa.
- Plungian V. A., van der Auwera J. 2006. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals*, vol. 59, 4, 317—349.
- Recueil 1978. *Recueil de littérature manding*. P.
- Reichenbach H. 1947. *Elements of Symbolic Logic*, N. Y.: McMillan.
- Rickford J., Théberge-Rafal C. 1996. Preterite *had* + verb-*ed* in the narratives of African American preadolescents // *American Speech*, 71.3, 227—254.
- Ross S., Oetting J., Stapleton B. 2004. Preterite *had* + v-*ed*: a developmental narrative structure of African American English // *American Speech*, 79.2, 167—193.
- Schiffrin D., 1987. *Discourse Markers*. Cambridge etc.: CUP.
- Sitchinava D. 2007. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // Colin P. Masica (ed.). *Old and New Perspectives on South Asian Languages: Grammar and Semantics*. (Papers growing out of the Fifth International Conference on South Asian Linguistics/ICOSAL-5, held at Moscow, Russia in July 2003). Delhi: Motilal Banarsidass, 304—322.
- Squartini M. 1999. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*, 3, 51—89.
- Steele S. 1975. Past and irrealis: just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics*, 41.3, 200—217.